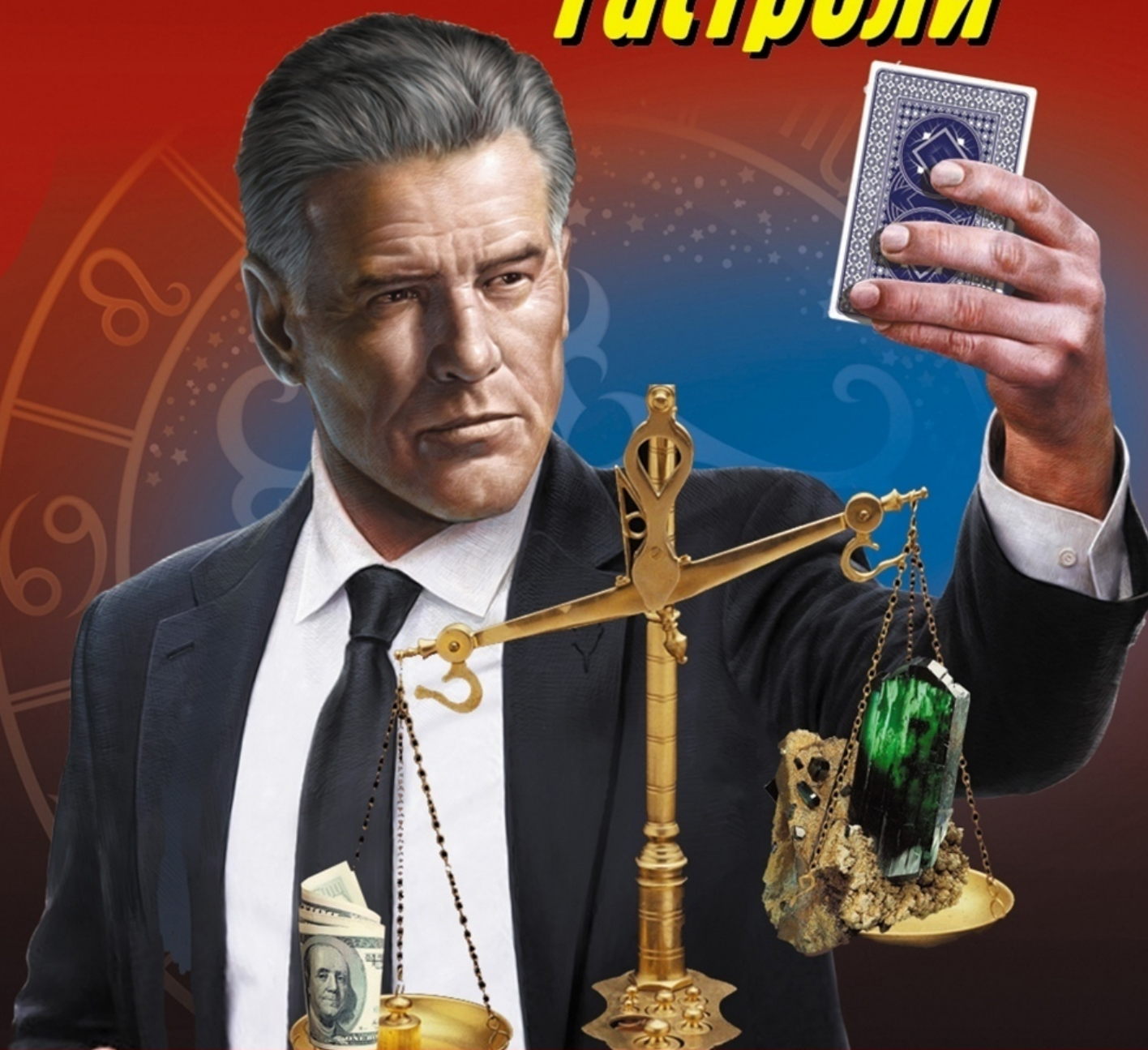

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Криминальные гастроли

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Русский бестселлер

Николай Леонов

Криминальные гастроли

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Криминальные гастроли / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2023 — (Русский бестселлер)

ISBN 978-5-04-184340-3

Еще одна книга легендарного тандема Леонов — Макеев. В Москве участились случаи необычных преступлений. Кто-то лихо обманывал богатеев, отбирая у них солидные суммы денег. При этом жертвы сами с удовольствием платили за простой булыжник, выданный за кусок настоящего метеорита, или за беспородного щенка с «крутой родословной». Каждый раз это было не простое вымогательство, а настоящее представление, располагающее к полному доверию. Полковники Гуров и Крячко определили, что в деле участвует одна и та же пара виртуозов — мужчина и женщина. Вычислить мошенников — дело техники. Настоящий ступор возник у сыщиков после того, как они узнали, что заставило злоумышленников стать на путь преступления... Николай Леонов, в прошлом следователь МУРа, не понаслышке знал, как раскрываются самые запутанные уголовные дела. Поэтому каждая его книга — это правдивая захватывающая история с непредсказуемой интригой и неожиданным финалом. Главный герой этих книг, полковник Лев Гуров — сыщик высокого класса, к тому же с массой положительных человеческих качеств. Его уважают друзья, боятся враги и любят женщины. Он — настоящий отечественный супермен. Романы о Льве Гурове вот уже сорок лет неизменно привлекают поклонников отечественного детектива. Ставшая классической серия «Черная кошка» насчитывает более 200 книг, вышедших тиражом в десятки миллионов экземпляров.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-184340-3

© Леонов Н. И., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Пролог	7
1	10
2	13
3	16
4	19
5	23
6	26
7	31
8	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

**Николай Иванович Леонов,
Алексей Викторович Макеев
Криминальные гастроли**

© Макеев А.В., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Пролог

– Входите, Алексей Иванович, входите, – отозвался на стук в дверь кабинета худрук подмосковного чаплинского музыкально-драматического театра «Серена».

Город Чаплинск был небольшим, со своей уютной атмосферой и своими провинциальными нравами, которые еще не затронули столичные нововведения. Может быть, именно по этой причине и московский бомонд, и столичные чиновники с удовольствием приезжали в этот неспешный по своему жизненному укладу городишко, чтобы отдохнуть в нем от больших скоростей, духоты и загазованности мегаполиса.

– День добрый, Антон Бенедиктович. Вы меня вызывали?

Вопрос был, конечно же, риторический – иначе зачем же еще актер Алексей Сенечкин пришел бы к начальнику? У актеров в театре задача конкретная и определенная – играть на сцене, а не ходить по кабинетам. Тем более что репетиция нового спектакля была в разгаре. Хотя сам Сенечкин и не был задействован в этой новой постановке, зато там играла его супруга Аличка, и Алексею Ивановичу было весьма интересно наблюдать за ее игрой. Вызов в кабинет худрука был для него досадным и весьма неудобным на данный момент событием. Но что поделать? С начальством не поспоришь. Зовут – значит, надо идти.

– Да, проходите и садитесь, – худрук сделал приглашающий жест рукой.

Антон Бенедиктович был довольно молодым человеком лет тридцати с небольшим. И хотя в театральном искусстве он разбирался так же, как корова в луговых цветочках, зато он был энергичен, умел добывать необходимые для существования театра деньги и пробивать различные новомодные (а значит, и доходные) режиссерские проекты. Эти проекты по большей части отдавали эротическим духом, но такое обстоятельство ни нового молодого худрука, ни старого – по всем параметрам – режиссера не смущало, потому как такие переделки классических постановок на современный лад приветствовались высшим руководством из городского комитета культуры. А этим руководством, надо сказать, являлся тесть новоиспеченного худрука, который и выдвинул своего энергичного зятя на эту весьма перспективную должность. Перспективную, конечно же, не в культурном, а в денежном смысле – деньги на новые проекты выделялись щедро. Вот только зарплата актеров отчего-то не росла, хотя на спектакли народ Чаплинска шел с удовольствием.

Алексей Иванович Сенечкин, человек сам по себе весьма скромный, но зато талантливый актер, уже больше двадцати лет играл в чаплинском театре и был, как и большинство местных актеров, приверженцем старой, академической театральной школы, где Станиславский и Немирович-Данченко считались столпами и непререкаемыми авторитетами. Фамилия Сенечкин была славная и знаменитая в Чаплинске, а вернее, в театральных кругах городка. Еще дед и отец Алексея Ивановича выступали на подмостках «Серены», играя такие значимые роли, как городничий из «Ревизора» и купец Ермолай Лопахин из «Вишневого сада». А сам Алексей Иванович тоже, можно сказать, родился как актер в этом небольшом, уютном театре. Поэтому относился он к своей профессии не только с гордостью, но еще и с нежным трепетом, считая себя не только актером, но и носителем культуры среди жителей Чаплинска.

Зная, что новое руководство «Серены» решило сменить курс и перейти от классических постановок к современному «шлягеру» (именно такое название было дано артистами чаплинского театра новомодным постановкам старых спектаклей), Алексей Иванович понимал, что вызов к новому руководству не сулит ему ничего приятного. Поэтому вошел он в кабинет худрука с волнением и смутным нехорошим чувством.

– Я хотел бы поговорить с вами по поводу вашего дальнейшего пребывания в нашем коллективе, уважаемый Алексей Иванович, – не отвлекаясь на политесы, худрук решил вывалить на Сенечкина все и сразу. – Ни мне, ни нашему режиссеру, Константину Павловичу, не по душе

ваша игра на сцене. Нет, мы понимаем, – худрук предостерегающе (а может, успокаивающе) выставил перед собой ладонь, – что вы один из старейших актеров нашего театра! К тому же потомственный актер. Но искусство, дорогой Алексей Иванович, – оно, как и жизнь, на месте не стоит. В отличие от вас. Вы как играли по старинке, так и играете, не желая перестраиваться. Постоянно спорите с режиссером, отказываетесь выполнять его указания, не обращаете внимания на его советы... А ваши диссидентские высказывания и критика в адрес руководства, то есть меня и Константина Павловича, негативно влияют на всю труппу. Можно сказать, они ее разлагают изнутри. Люди стали возмущаться и даже требовать. Ну, куда это годится? И проблемы возникают из-за вас...

Антон Бенедиктович делано-горестно вздохнул и покачал головой. Он встал и, подойдя к сидящему на другом конце длинного стола Сенечкину, отодвинул стоящий рядом с ним стул и сел, выражая тем самым свое участие к происходящему действию и выказывая свое доброе отношение к актеру. Но Алексей Иванович прекрасно понимал, что все это – актерство и позерство со стороны начальства, а потому еще больше напрягся и насторожился, готовясь к худшему.

– Так вот, – продолжил худрук. – На чем это я остановился? Ах да – на вашем диссидентстве. Оно мешает нам работать. Очень мешает! К тому же... – Последовала многозначительная, как принято говорить, театральная пауза. – К тому же, если говорить предельно честно, вы, Алексей Иванович, не вписываетесь в наш обновленный коллектив ни своим среднестатистическим, мягко говоря, талантом, ни своей просто маниакальной приверженностью к старой театральной школе. А потому мы приняли решение уволить вас в связи с сокращением штатов. Ну или как не справляющегося со своими обязанностями члена нашего дружного коллектива. Тут уж я разрешаю вам самому выбрать причину увольнения.

Кто эти гипотетические «мы», худрук, конечно же, не уточнил. Да и не собирался. Алексею Ивановичу и так было все ясно – его вышвыривают из театра, в котором он столько лет честно проработал! Изгоняют вон! Вон из театра, без которого он не мыслил свое существование. Да и не умел он больше в этом мире ничего, кроме как играть разные роли. Играть так, словно проживал каждый раз за своего героя его жизнь, так, словно это он был и Чичиковым, и Мастером, и евреем Абрамом Шварцем из «Матросской тишины» Галича... Он так же, как и они, хитрил и обманывал, был честным и скромным, болтливым и жуликоватым, так же рождался, жил и умирал... Но это все на сцене, а сцена и была его, Алексея Ивановича Сенечкина, настоящей жизнью – жизнью, полной интриг и слез, радостей и маленьких побед, горестей и разочарований, утешений и вдохновения.

– Но как же так? – растерянно посмотрел на худрука Алексей Иванович. – Почему? Ведь я не смогу без театра. Я... Ведь я ничего больше не умею. А впрочем... – Сенечкин высоко поднял голову и сжал губы. – Впрочем, кому и зачем я это сейчас говорю? Вам, который ничего не смыслит в театре, в искусстве, который нанял на работу бесталаных, но готовых плясать под вашу с режиссером дудку людишек, а талантливых людей уволил за ненадобностью! Что ж... Я напишу заявление и передам его секретарю, – Алексей Иванович посмотрел в глаза худрука и встал. – Засим – откланиваюсь, – он прищелкнул каблуком о каблук, кивнул и, резко развернувшись, твердым военным шагом вышел из кабинета.

В приемной, как оказалось, его ждала супруга Алина, которая, волнуясь по поводу вызова мужа в кабинет начальника, взяла перерыв в репетиции и примчалась узнать, что послужило причиной приглашения к худруку. Она о чем-то тихо переговаривалась с секретарем Светланой Владимировной. Когда ее муж вышел из кабинета, обе женщины замолчали и выжидательно уставились на Алексея Ивановича. Тот был бледен, но по выражению лица нельзя было понять, какие именно эмоции его одолевают.

Секретарь молча протянула Сенечкину стакан воды, и тот, взяв его, залпом выпил. А потом все так же молча прошагал все тем же военным шагом к выходу из приемной. Алина и Светлана Владимировна встревоженно переглянулись, и жена кинулась следом за супругом.

– Алеша, подожди! – Алиночка Сергеевна, как уважительно и ласково звали ее все в театре, подбежала к мужу, остановила его, твердо положив на его плечо свою маленькую руку, и развернула лицом к себе. – Ну-ка выкладывай, что он там тебе наговорил?! – потребовала она.

Алексей Иванович знал, что спорить с супругой бесполезно. Пока она все с него не вытянет – не отстанет, а потому все, что произошло в кабинете начальника, рассказал ей в двух словах, что дословно звучало так:

– Меня уволили.

– Что?! – Алиночка Сергеевна сделала большие глаза, но потом вдруг нахмурилась и, резко повернувшись к мужу спиной, решительно направилась обратно в приемную. А вернее (Алексей Иванович прекрасно понял ее намерения), в кабинет худрука. Останавливать ее сейчас было бесполезно. Это было все равно, что попробовать остановить мчащийся на всей скорости электропоезд. Алексей Иванович отлично знал натуру своей супруги, а потому даже и не пытался ее остановить.

В их семье (к большому сожалению супругов – бездетной) Алина была лидером. И именно она всегда ставила точку в принятии семейных решений, хотя и принимали они их всегда совместно.

Алексей Иванович Сенечкин был строен и подтянут и выглядел со спины лет на тридцать пять, но лицо из-за частого накладывания грима прибавляло ему пяток лет, а потому в суммарном отношении потомственный актер театра «Серена» как раз подходил под свой метрический возраст – сорока семи лет.

Супруга же его – Алиночка – сохранила и в свои сорок пять стройность восемнадцатилетней барышни, и личиком была свежа, как майская роза. Что тому было виной – генетика или ежедневный косметический уход, – Алексея Ивановича не интересовало. Он любил бы свою супругу в любом виде, потому как смотрел на нее не просто глазами мужчины, а глазами любящего мужчины. А любовь, в понимании Сенечкина, простиралась куда как глубже внешнего вида жены.

Так как детей у них не было (Бог не дал, и они с этим решением Всевышнего смирились), то все свои силы и энергию Алексей и Алиночка направили на театр, отдаваясь творчеству со страстью юных Ромео и Джульетты. Даже дома все их разговоры были только о театре, о ролях, о новых постановках и о старых пьесах. Они не просто жили театром, они им дышали.

Поэтому когда Алина наконец-то вышла из приемной и подошла к мужу с глазами, полными слез, он понял все без слов. Она в знак ли протеста, или просто из солидарности решила тоже уйти из театра. Их мир катастрофически рушился, и у них после этой катастрофы остались только они сами, их любовь друг к другу и к искусству.

– Он предлагал мне остаться и обещал денежные роли, – презрительно фыркнула Алиночка Сергеевна. – Бегать полуголой по сцене и декламировать монолог пушкинской Земфиры! Нет, ты представляешь?! – возмущенно спросила она и, взяв мужа под руку, повела его к выходу из театра.

Супруги Сенечкины выходили из стен «Серены» с высоко поднятой головой и сопровождаемые сочувственными и тоскливыми взглядами своих товарищей по труппе. Сочувствуя Сенечкиным, актеры с тоской думали о своей судьбе и о судьбе своего театра. О том, что им придется мириться с новыми правилами, или же... Впрочем, это уже другая история.

1

Декан-правовед столичного университета Андрей Викторович Козырьков был на грани нервного срыва. Он сидел в своем кабинете и думал о причинах, по которым его любовница, прекрасная и молодая полячка Агнешка, стала избегать его общества. Конечно же, декану не полагалось иметь связь со студенткой, да еще и иностранкой, но Агнешка была так соблазнительно прекрасна и молода, что Андрей Викторович не устоял и превысил свои деканские полномочия в отношении этой студентки-второкурсницы. Если бы об этой связи узнали в деканате или, не дай бог, – жена декана, с которой он состоял в браке вот уже почти тридцать лет, то скандала ему не избежать. Впрочем, какой там скандал – развод! И с супругой при разводе нужно было бы делиться нажитым добром – и, скорее всего, его большей частью. А там и взрослые детки могли заявить о своей доле в состоянии отца. Козырьков давно подозревал, что и его сынок, и дочка только того и ждут, чтобы выпал удобный случай и они смогли запустить свои ручонки к нему в карман. А вернее, в его банковский счет.

Так что раскрывать свою связь с прекрасной панночкой декану-правоведу было невыгодно ни с какой стороны. «Может, оно и к лучшему, что Агнешка вдруг потеряла ко мне интерес? – приходили иногда к Андрею Викторовичу правильные мысли, но потом он сам же себя и одергивал: – Но как же я смогу тогда обходиться без этих лебединых ручек и без этих малиновых губок?! – в отчаянии вопрошал он себя и после этого думал уже не о жене и не о дележе совместно нажитого с ней добра (хотя, честно сказать, наживал это добро он один), а исключительно о ласках юной прекрасной полячки. – Я прямо как Андрий из «Тараса Бульбы», – усмехался Козырьков в уже седеющую профессорскую бородку. – Увлечся, как мальчишка. А что поделаешь? Страсть – она и умных деканов делает глупцами».

Думать-то таким образом Козырьков думал, но ничего поделать с тем бесом, что в ребро, не мог. Не мог, да и не хотел он отпускать от себя Агнешку, а потому готов был сделать для нее все, что она только попросит, лишь бы она оставалась рядом и не смотрела в сторону молодых студентов. Что с них возьмешь, с тех студентов? Большинство из них хоть и из состоятельных семей, но папины деньги для них недоступны, особенно в таком количестве, которые имеет в своем распоряжении Андрей Викторович.

Деньги, если признаться честно, не все были нажиты законным и честным путем, но ведь не он, Козырьков, придумал брать взятки. И до него этим делом баловались преподаватели – еще в советские времена, да и в царской России педагоги мздоимствовать не брезговали. Он же только их почин поддержал. Ну а как иначе? На одну профессорско-деканскую зарплату в Москве достойной жизни не обрящешь, как сказал бы его коллега в веке этак восемнадцатом.

«Но как же мне быть с Агнешкой? – размышлял Козырьков. – Как вернуть обратно ее пыл и страсть? Разве что подарить ей что-нибудь особенное. О чем она мечтает? Не так давно, помнится, она говорила, что хочет завести собаку. Как ее там... Какой-то кавалер король Чарльз... Тьфу. Надо в интернете посмотреть».

Андрей Викторович набрал в поисковике «Порода собак кавалер...», и поисковик сразу же выдал ему информацию. Оказалось, что полностью порода называется кавалер-кинг-чарльз-спаниель. Посмотрев фото собаки в разных видах и ракурсах и не найдя во внешности животного ничего, что могло бы привести его в такой же восторг, в какой эти собаки приводили Агнешку, декан стал присматриваться к цене на щенков. А стоили они вместе с документами от заводчика совсем даже недешево – до трехсот тысяч рублей.

У Андрея Викторовича такие деньги, конечно же, были, но только вот отложены они были жене на шубку, которую он обещал ей ко дню рождения, а не на щенка для любовницы. И этот факт несколько смущал Козырькова. Нужно было принимать решение или находить какую-то другую альтернативу дорогому песику. Но профессор понимал, что другого такого

шанса угодить своей любовнице у него больше может и не быть. А жена... Жене он придумает, что сказать. Или займет на шубку у своего давнего сотоварища и коллеги – декана истории права Куренкова.

Успокоив свою совесть и, таким образом, подняв свою самооценку, Андрей Викторович пришел в благодушное настроение и, насвистывая арию «Сердце красавицы...», стал, как говаривал его сынок, «шарить» по интернету в поисках подходящего заводчика с подходящей ценой на щенков этих самых королевских спаниелей. Вскоре он набрел на объявление, где некая дама предлагала продать нужного декану щенка окраса бленхейм по цене в двести пятьдесят тысяч рублей. Выгода сделки была налицо – пятьдесят тысяч оставались для шубы, а значит, и занимать нужно будет меньше. Это обстоятельство так вдохновило Андрея Викторовича, что он тут же набрал номер телефона, который был дан в объявлении.

– Здравствуйте, внимательно вас слушаю, – прозвучал в телефоне приятный женский голос.

– Э-э-э, – декан никак не ожидал столь быстрого ответа (всего один гудок, и произошло соединение) и потому смешался, не зная, как начать разговор.

– Вы по объявлению? – подсказал ему приятный голос. – Вам нужен щенок?

– Да, нужен, – брякнул Козырьков, растерявшись и забыв о вежливости, но потом опомнился и поздоровался: – Здравствуйте!

– Я так и подумала, – мелодично рассмеялась женщина. – Скажите, кого бы вы хотели приобрести – кобелька или сучку?

– Кхм, – откашлялся Андрей Викторович. – Я как-то об этом не думал, – ответил он и поинтересовался: – А кто лучше?

– Да, в общем-то, смотря для чего вам нужен щенок. Если собираетесь разводить породу, то берите девочку, а если кому-то в подарок, то лучше кобелька. Я, например, как заводчик начинала с покупки сразу и мальчика, и девочки, – активно щебетала хозяйка щенков, и от этого щебета у Козырькова даже голова кругом пошла. – Это чтоб уж потом не бегать и не искать песика для вязки. Все под рукой. Может, сразу двоих возьмете?

– Нет, мне для подарка, – Андрей Викторович замешкался, придумывая, что сказать, а потом добавил: – Для дочки, на восемнадцатилетие.

– Отлично! Тогда берите кобелька, их у меня три штуки. Вам я выберу самого лучшего.

– А сам я выбрать не могу? – нерешительно спросил декан.

– Так вы разбираетесь в собаках? – почему-то обрадовалась женщина.

– Я? Нет, я ничего в породах и вообще в собаках не смыслю. Равно как в котях и прочих зверях и птичках. У меня другая область знаний. Я, знаете ли, профессор МГУ. Преподают право, – Козырьков и сам не знал, для чего он все это сказал незнакомке. Но ведь что-то же нужно было ответить и как-то поддержать разговор.

– Отлично! – опять радостно рассмеялась женщина. – Профессор права – это просто мечта! Когда вы хотите забрать щенка? – поинтересовалась она. – На эту породу в Москве спрос просто огромный, и потому щенят разбирают махом. Так что поторопитесь. Давайте встретимся, – женщина ненадолго задумалась, – через два часа в Александровском саду. Я выйду к вам с мамой и папой щенков, вы на них посмотрите и скажете, будете брать или нет.

– А зачем мне смотреть на маму и папу? – удивился Козырьков. – Я ведь не их покупаю.

– Конечно же нет! – рассмеялась заводчица. – Но вообще-то так положено, что перед покупкой дорогих породистых щенят смотрят на их родителей. Ну, чтобы обмана никакого не было. А то есть жулики, которые втюхивают незнающим людям дворовых безродных кутят, а деньги как с заводских породистых дерут.

– Кутят? – не понял Андрей Викторович, но потом вспомнил, что так называют маленьких щенят, и, посмотрев, сколько сейчас времени, ответил женщине: – Через пару часов я как раз освобожусь. Хорошо, давайте встретимся в Александровке. А как я вас узнаю?

– По собакам, конечно же! – Женщина опять рассмеялась. – Вот увидимся и поговорим обо всем. Но если решите брать, то вы уж деньги сразу с собой приносите. Мой муж вам сразу щенка и вынесет. С корзинкой в подарок!

Звонкий смех заводчицы так и гудел у Козырькова в ушах, но не раздражал, а, наоборот, радовал, потому как Андрей Викторович уже предвкушал радость Агнешки по поводу подарка и ее благодарный поцелуй. А может быть, и не только поцелуй...

Договорившись о встрече, декан радостно крутанулся в офисном кресле, причем так сильно, что чуть не перевернулся вместе с ним. Но это развеселило его еще больше, и он в приподнятом настроении отправился на встречу со студентами. Пары у него на сегодня больше не было, но было время для дополнительных занятий с желающими улучшить свои знания по политологии или подготовиться к экзаменам по этому предмету. Образ Агнешки и то, как она обнимает его своими прохладными нежными руками, будоражили воображение Козырькова и делали его мысли легкими, можно даже сказать, легковесными.

2

В назначенное время Андрей Викторович был на месте и нетерпеливо оглядывался по сторонам. Никакой женщины с собаками он пока не видел и решил подождать. Сев на скамейку, Козырьков прищурился на яркое весеннее солнце и стал смотреть на празднично прыгающих воробьев и деловитых голубей, которые, завидев декана, поспешили к нему в надежде на подачку в виде крошек от какой-нибудь булки. Андрей Викторович, размышляя о щенках и Агнешке, не заметил, как сзади к нему подошла невысокая, весьма симпатичная особа в светлой курточке, берете и в солнцезащитных очках. В руках женщина держала два поводка, на другом конце которых были пристегнуты белые с рыжими пятнами собачки. Уши у них были курчавыми, а хвосты напоминали метелки.

– Здравствуйте, – поздоровалась женщина. – Это вы декан МГУ Андрей Викторович, который звонил сегодня по поводу щенков?

– А? Да, это я. День добрый, – очнулся Козырьков и уставился на собак. – Это вот и есть родители?

– Да, знакомьтесь, – женщина подвела собак ближе к декану. – Это мама – Малина, а это отец – Мармелад. Но мы зовем его просто Марми. Кстати, вы в курсе, что щенков положено называть на ту же первую букву, что и у их родителей? Поэтому если вы все-таки будете брать щеночка...

Женщина вопросительно посмотрела на Козырькова, тот в знак согласия кивнул и ответил:

– Да, конечно же, я буду брать кобеля, в смысле мальчика. Родители, кажется, вроде бы как ничего... – стушевался Андрей Викторович.

– Отлично! – Женщина радостно заулыбалась, и декан невольно отметил, что улыбка у нее очень красивая. – Если деньги у вас с собой, то я могу позвонить мужу и он принесет щенка. Мы бы вас и домой пригласили, но понимаете, – оправдывающимся голосом заговорила заводчица, – у нас дочка маленькая, и она очень болезненно реагирует, когда мы раздаем щенков. Плачет навзрыд. Так что приходится выносить вот так, потихоньку, чтобы она ничего не заметила. Ничего, что так? – она вопросительно посмотрела на декана.

– Ничего, – улыбнулся в ответ Козырьков. – Деньги я принес. Но я хочу спросить... Вы не скинете еще тысяч пятьдесят? Мне можно щенка и без родословной...

– Ой, ну что вы! Без родословной никак не обойтись! И знаете, – виновато ответила женщина, – я бы с удовольствием и без нее вам продала, но клубные правила мне этого не позволяют, а сам клуб – «Кавалер Кинг» – повысил расценки за выдачу родословных и собачьих паспортов. Так что сбросить цену никак не могу. К тому же мы потратились на ветеринара, который осмотрел щенка на предмет выбраковки, и все анализы мы сдали, и все прививки нужные у нас есть. Так что при всем моем к вам уважении... Ну, никак не могу. Кстати, насчет родословной и паспорта. Вот, посмотрите, как они будут выглядеть.

Женщина аккуратно достала из сумочки два заламинированных листа бумаги и показала их Козырькову.

– Видите, все тут есть. И клубная печать, и полное имя. Все как положено. А вот еще ветеринарный паспорт, – она показала еще и бело-синюю книжечку с изображением собаки. – Эти документы нужны обязательно. Без них собачка не сможет попасть ни на одну выставку. А выставки – это престиж! А престиж для владельца собаки – это выгодная вязка, а значит, и хорошие деньги от продажи щенков. Таких высококлассных производителей, как наши Малина и Мармелад, – она указала на своих собак, – в Москве практически больше нет. Все или в Европе, или в Америке...

– Я все понял и оценил, – закивал Козырьков, прерывая словесный поток дамы с собачками. – Звоните мужу, и пусть приносит со... щенка, – махнул он рукой.

Женщина радостно заулыбалась и стала звонить. Примерно через пятнадцать минут на дорожке сада появился импозантный мужчина средних лет (так, во всяком случае, показалось декану), с аккуратной бородкой и молча протянул Козырькову корзинку, в которой копошилось нечто бело-рыжее, лохматое и невразумительное.

Андрей Викторович молча и с некоторым подозрением какое-то время смотрел на щенка и наконец задумчиво произнес:

– Какой-то он не такой, как в интернете... Там щеночки совсем другие были. А этот – на них не похож...

– Правильно, – легко согласилась с ним женщина. Муж ее стоял рядом и все так же молчал. – В интернете выставляют фото уже подросших двухмесячных щенков, а наш еще совсем кроха – ему сегодня еще только месяц исполнился.

– И чем его кормить, такого маленького? Может, я потом, позже его у вас заберу? – засомневался Козырьков.

– Зачем же позже? Вы поезжайте сейчас вот по этому адресу, – женщина быстро что-то чиркнула невесть откуда появившейся у нее в руках ручкой на листке бумаги, что протянул ей муж, – и наберите для него в специальном магазине корм для щенят. Какие проблемы?

– Да? – удивился Андрей Викторович такой оперативности. – Ну хорошо. Тогда давайте адрес, и вот вам деньги. – Он достал из портфеля пачку банкнот и отдал их мужу женщины, который тут же стал молчаливо и сосредоточенно их пересчитывать.

– Все правильно, – наконец кивнул он и сунул купюры в карман своего серого демисезонного пальто.

Женщина еще раз лучезарно улыбнулась и быстро стала прощаться с Козырьковым.

– Вы уж извините, – оправдывалась она за поспешность. – Пора уже собак кормить, да и дочка одна дома.

– Желаю здравствовать, – распрощался с деканом и угрюмый муж заводчицы.

Супружеская пара отправилась к выходу из сада.

Андрей Викторович еще раз посмотрел в корзину на нелепого маленького щенка, и теперь он уже не казался ему странным и неказистым, а выглядел вполне даже симпатичным. Напевая свою любимую арию, Козырьков отправился к Агнешке на квартиру, аренду которой он, декан МГУ, и оплачивал.

* * *

Через две недели Агнешка дала декану окончательный расчет, наказав больше не появляться на пороге ее квартиры и сунув щенка в руки опешившего от такого поворота событий Козырькова. На его недоуменный вопрос «почему» она в резкой форме и с сильным польским акцентом ответила:

– Пошел ты, стары пен, вместе со своей безродно псиной на хутор. Я кто тебе такая, чтобы спать с тобой за дарки в виде дворня? Знаешь, кто ты после того? Да над меня насмеялись все подруги, когда я им покажаць этого... этого, – Агнешка с негодованием ткнула пальчиком в щенка.

После этих ее слов Козырьков стал смутно догадываться, что с щенком его все-таки надули, но он на всякий случай попробовал вернуть себе авторитет и промямлил:

– Так он ведь маленький еще...

– Ага, – согласилась красавица полячка, – он-то маленкий. Зато ты чецки дурен. Никой это не кавалер-кинг, а обычный дворий пес! У Майки мать понимает в порода. Она так и

сказала мне, что это, – Агнешка снова указала пальчиком на кутенка, – обычны дворий пес. Так что чесць! – Агнешка с грохотом захлопнула дверь перед носом декана.

«Интересно, – тоскливо глядя на дверь, подумал Козырьков. – А кто теперь тебе будет оплачивать аренду двухкомнатной квартиры?»

Словно услышав его мысли, Агнешка приоткрыла дверь и четко произнесла:

– За квартира можешь не переживаць. Я уже нашла тебе замену! – И дверь, теперь уже навсегда, захлопнулась. Козырьков остался стоять на площадке со щенком на руках и тоскливыми мыслями в голове.

Немного опомнившись и придя в себя после такого коварства панночки, первым порывом Андрея Викторовича было взять щенка за шкуру и отправить его пинком в глубь подъезда, чтобы тот летел туда поперед собственного визга... Но вовремя опомнился – все ж таки это был не простой щенок, а вещественное доказательство деканской наивности (читай – глупости) и обмана – и отправился в районный отдел полиции писать заявление о том, как он стал жертвой мошенников.

Только вот вернутся ли к нему его денежки и когда это будет... Никто в райотделе этого ему не сказал.

3

Люсенька Сакурова, светская леди и любительница различных богемных тусовок, двадцати трех лет от роду, вошла в ресторан самого дорогого в Москве фитнес-клуба La Salute, что расположен на Таганке, и огляделась. Народу было немного, и она сразу же увидела в глубине зала свою закадычную подругу Тонечку Филатову. Помахав ей ручкой, она прошла к столику и присела рядом с подругой на диванчик из светлой кожи.

– Хай, зазунька, – Тонечка потянулась к подруге для поцелуйчика. – Давно тебя тут не видно было. Где чилила?

– С Олежеком в Эмираты катались, – чмокнула подругу в щечку Люсенька. – Он там хаус присматривал. Ну и потусили чуток. Теперь вот наверстываю, – она указала наманикюренным пальчиком на сумку с формой. – Че пьем – эспрессо? Тоже себе закажу попить, но только сок черничный. Есть сок? – подняла она глаза на подошедшую к ней молодую женщину-официантку.

Та кивнула, улыбнулась и, записав в блокнотик заказ, спросила:

– Еще что-то будете заказывать? У нас сегодня...

– Нет, больше ничего не нужно. Я не голодная. – Люсенька отвернулась от официантки, давая той понять, что разговор окончен и пора бы ей идти работать. – У меня трабл, – заявила она скорбным голосом подруге. – У Олежека в это воскресенье юбилей – сорок пять, а я даже не знаю, что ему подарить. У него реально уже все есть!

Тонечка закатила глазки, показывая Люсеньке, что она ей сочувствует, и прокомментировала новость:

– Он у тебя такой сасный, что я просто от него тащусь. Одним словом – краш. Ты реально не в курсе, что ему подарить? Может, что-нибудь из антиквариата?

– Тонь, ты че?! Лол! Ты забыла, что он у меня сам такими вещами торгует! У него бизнес на антиквариате и драгоценностях завязан. Да у нас не дом, а лавка старьевщика! Реально тебе говорю. Я вообще в шоке. Такой шейм, я прямо не могу.

– Да, парням в этом смысле проще, – согласилась Тонечка. – Любимая – я подарю тебе звезду... – пропела она, а потом встрепенулась, словно что-то вспомнив: – Слушай, а если ему реально что-нибудь такое необычное достать? Надо пошарить в инете. На Авито и на Озоне чего только не предлагают. Я недавно наткнулась на прикольное объявление. Представляешь – метеориты продают. На фига они кому-то нужны?! Рипнуться можно!

Официантка принесла наконец-то Люсеньке сок и счет, по которому та сразу же и расплатилась.

– А че, клевая идея, – задумчиво проговорила Люсенька, смакуя сок. – Вот только бы на чистерство там какое-нибудь не наткнуться. Слушай, подруга, а ты не в курсе, сколько эти звезды падучие стоят?

– Какие звезды? – выпучила Тонечка Филатова свои и без того большущие глазищи.

– Да метеориты же! – в ответ закатила глазки Люсенька. – Мы, помню, это еще в школе учили. Типа будто бы метеориты люди раньше принимали за звезды, которые падают с неба. Ну, ты вообще...

– Вау! – не обращая внимания на слова Люсеньки, восхитилась ходом мысли подруги Тонечка. – А че, и правда классная мысль! У кого еще из его друзей настоящий метеорит будет в коллекции? Надо бы этот вопрос почекать и в Озоне, и в соцсетях. Может, кто подскажет.

– Точно! – одобрила идею подруги Люсенька.

– Кхм.

Девушки подняли головы и увидели, что рядом с ними стоит та самая официантка, которая принимала у Люсеньки заказ.

– Не нужно больше ничего, – вздохнула Люсенька. – Я ведь расплатилась уже и на чай дала. Что – мало? Ну, народ нынче...

– Да нет, я не по этому поводу, – симпатичная светловолосая женщина средних лет, худенькая и с ямочками на щеках, улыбаясь, приветливо смотрела на девушек. – Просто я случайно мимо проходила, обслуживала вон тот столик, – она указала куда-то в сторону, – и услышала ваш разговор. Знаете, я могу вам помочь, – официантка в смущении опустила голову. – Помочь с метеоритом.

Возникла пауза, во время которой Люсенька и Тонечка переваривали заявление официантки. Та же молчала и только скромно ждала, когда девушки или одобряют ее предложение, или откажутся иметь дело с малознакомой дамочкой. Первой пришла в себя Люсенька. Она с ног до головы оценивающе осмотрела официантку и спросила:

– Интересно, как это официантка может помочь достать настоящий метеорит? Ты че, пранкерша? Розыгрыш хочешь устроить?

– Да нет же, – официантка пожала плечами. – Просто мой дядя работает в Институте астрономии Академии наук. На Пятницкой, знаете такой? Академик Бохвалов. Не слышали? Он в отделе космической геодезии изучает закономерность процесса звездообразования, и у них там, в лаборатории, на изучении находится много разных небесных объектов. В том числе метеоритов и их обломков.

Женщина снова выжидательно посмотрела на Люсеньку. Люсенька с Тонечкой переглянулись. Обе девицы были в шоке от такой удачи, которая неожиданно свалилась на них словно с неба. Люсенька кивнула, давая официантке знак говорить дальше, и женщина, приободренная таким жестом, продолжила:

– Афанасий Меркурьевич, мой дядя, наверняка согласится помочь таким очаровательным девушкам, и за определенную плату, – женщина потупилась, – вынесет вам какой-нибудь образец из просто огромной академической коллекции метеоритов.

– А какова плата за... – Люсенька не знала, какое слово тут подходит больше всего, поэтому просто помахала ручкой, давая понять, что тут и так все ясно.

– Все будет зависеть от размеров заказанного объекта. Вы же понимаете... – официантка оглянулась по сторонам, словно опасаясь, что ее подслушают. – Вы же понимаете, что чем больше метеорит, тем сложнее его будет вынести. Но зато чем он больше по размерам, тем солиднее будет подарок. К тому же раритет...

– Раритет, – с придыханием повторила Люсенька малознакомое ей слово, словно пробуя его на вкус.

– Это значит большая редкость, – кивнула официантка, поясняя, что она имела в виду под этим загадочным для Тонечки и Люсеньки словом. – Нет, если вы мне не верите, то можете прочесть мою информацию на сайте Института астрономии РАН и проверить, работает ли там названный мной академик или нет. К тому же там наверняка найдется и его фотография. Так что все без обмана. А что касается вашей идеи поискать на Авито или еще где-то в интернете, то там запросто можно и на жуликов набрести, и купить булыжник вместо настоящего метеорита.

– Хм, а как определить, настоящий метеорит или нет? – озаботилась Люсенька.

– Очень просто, – сказала официантка. – Нужно просто посмотреть на его структуру. Внутри метеорита часто встречаются вкрапления кристаллов и разных красивых минералов или сам камень имеет необычную форму и как бы оплавлен сверху. И вообще, все пруфы можно найти в интернете. Ну а если вас интересует, от чего может зависеть стоимость...

– Да, меня это очень даже интересует, – глазки у Люсеньки загорелись, и она прямо-таки подалась вперед всем своим стройным станом. – Вы можете присесть, – пригласила она официантку и указала ей на место рядом с собой.

– Нет, спасибо, мне не положено, – женщина снова нервно оглянулась. – Я и так с вами тут заболталась. Давайте я вам дам номер моего телефона, и вы мне вечером позвоните. Завтра мы где-нибудь встретимся и все обговорим.

– М-м-м, – застонала от досады Люсенька, а Тонечка закатила глазки. Ей тоже ужасно хотелось узнать, сколько Люсенька готова будет отвалить мужниных денег за такой необычный для него же подарок. – Ну хорошо, – пришлось согласиться Люсеньке на предложение официантки. – Давайте номер вашего телефона. Я вам сегодня часов в восемь вечера позвоню.

Женщина написала номер телефона на листочке и, вырвав его из блокнотика для записи заказов, протянула Люсеньке со словами:

– Буду ждать звоночка.

Потом официантка покинула подруг и отправилась обслуживать очередных посетителей ресторана.

– Ты думаешь, она не обманет? – попробовала заронить зерно сомнений в душу подруги Тонечка.

– Потребую пруф, – решительно кивнула Люсенька. – Пусть они сначала докажут, что метеорит настоящий, а потом уже я им мани отсчитаю. Кстати, сейчас приеду домой и буду инфу смотреть и на этого, как его там, – Люсенька прищелкнула пальчиками. – Вспомнила! На академика Бохвалова. Заодно изучу рынок стоимости метеоритов. Чтоб не вздумали с ценой надуть. Так, – Люсенька решительно встала. – Все, падра, я почапала.

Тонечка тоже встала и заторопилась.

– Ой, мне тоже уже нужно домой. Ты мне потом обязательно позвони и расскажи, что и как. Ок?

– Конечно, подруга. Только и ты рот на замок, а то поднимешь хайп раньше времени. Какой же тогда сюрприз Олежеку будет...

– Рипнусь, а никому не скажу, – дала слово Тонечка, и обе подруги отправились к выходу.

4

На следующий день, а вернее, уже вечер, Люсенька, как и договаривалась по телефону, встретила с официанткой на выходе из метро «Третьяковская». Люсеньке было непривычно ходить пешком (на огромных-то каблуках!), поэтому она приехала к назначенному часу и в назначенное ей место на такси.

– Меня зовут Светлана, – приветливо обратилась к ней женщина. – Давайте-ка посидим где-нибудь на улице. Тут неподалеку есть сквер, в нем не жарко. Там и поговорим.

– Только недолго, – было видно, что Люсенька нервничает, но отступать ей уже было некуда, а потому она мужественно решила, что без метеорита или, по крайней мере, без стойкой договоренности о его покупке она домой не вернется.

– Да, я думаю, что мы быстро договоримся, – успокоила девицу женщина. – Вы, Людмила, судя по всему, девушка умная и наверняка уже узнали всю нужную вам информацию через интернет.

– Да, я тут кое-что посмотрела...

– Вот и замечательно, – женщина успокаивающе и доверительно положила свою руку на руку Люсеньки. – Смотрите, – Светлана достала из сумочки несколько фотографий и протянула девушке. – Это фото тех метеоритов, которые реально могут вам понравиться. Выбирайте любой. Вот – на них даже имеются таблички, – женщина показала на маленькие бумажки, прикрепленные к камушкам, изображенным на фотографиях. – Это говорит о том, что здесь представлены настоящие метеориты и они находятся в коллекции Института астрономии при РАН.

Люсенька с глубокомысленным видом внимательно рассматривала фото и лихорадочно думала, какой же из этих камней выбрать? Светлана же продолжала рассказывать ей обо всех плюсах того или иного вида метеорита.

– А вот этот, – женщина указала на один из снимков, – просто уникальный метеорит. Это обломок от Марса, который попал в космос в результате активности планеты. На бумажке, которая приклеивается к метеориту после прохождения им специальной процедуры проверки на подлинность, написаны все параметры и его состав. Ну, то есть из какого материала состоит сам камень и какие в нем есть вкрапления металлов и других пород. Если камень продают обычные продавцы метеоритов, то заказчик делает такой анализ на подлинность за свой счет. И поверьте, – Светлана сделала значительную паузу, – это очень дорого. Вам же мы с дядей предлагаем уже проверенный вариант метеорита.

– Понимаю, – задумчиво и многозначительно произнесла Люсенька, хотя, если честно, понимала она не очень. Но ведь ей нужно было показать женщине, что она не три класса приходской школы окончила, а одиннадцать классов престижного московского лицея, да еще и целых три курса на юрфаке успела отучиться. Правда, она там только числилась, а не училась, но ведь это же только формальности, диплом ей выпишут самый настоящий.

– Так вот. Если, например, вы захотите купить в подарок мужу такой марсианский метеорит, который весит около двух с половиной килограммов, то его стоимость будет... – Светлана посмотрела в синее московское небо и зашевелила губами, подсчитывая стоимость. – Это обойдется вам в один миллион рублей.

Светлана выжидательно посмотрела на девушку и ободряюще ей улыбнулась.

– Сколько? – обалдело посмотрела на нее Люсенька. – Че так дорого-то?

– Да вы что! Нисколько не дорого! Вы посмотрите, – Светлана опять полезла в сумочку и достала из нее глянцевого журнала, полистала его и, раскрыв на нужной странице, показала Люсеньке статью на английском языке. – Вот, читайте!

Читать по-английски Люсенька умела и даже кое-что понимала в прочитанном. Поэтому она внимательно и не торопясь прочла небольшую статью, в которой было сказано, что некий

бизнесмен из Канзас-Сити приобрел в свою коллекцию метеорит весом в 3 килограмма за сумму в один миллион долларов. Стоимость метеорита была обусловлена вкраплениями в него частиц грунта, которые при анализе показали, что это тот самый грунт, который покрывает поверхность Марса.

Люсенька закончила читать и непонимающе посмотрела на Светлану.

– Ну как же! – Женщина закатила глаза. – За три килограмма метеорита с вкраплениями – один миллион долларов, а мы с дядей предлагаем вам купить два с половиной килограмма за один миллион рублей! Разницу понимаете? Тем более что, посмотрите, какая необычная форма у камня!

Светлана снова протянула девушке фотографию предлагаемого ей для покупки метеорита и торжественно посмотрела на Люсеньку. И Люсенька наконец-то прониклась и самим моментом истины, и ценой на метеорит.

Но тут она глубоко и по-взрослому задумалась. Деньги на их совместном с мужем счете имелись. Правда, лежали они там не для подарка на юбилей Олежеку, а для коттеджа на Рублевке, о котором муж давно мечтал. И мечта эта вскорости должна была осуществиться. Оставалась самая малость – подкопить еще пару миллионов... «Но ведь и настоящие метеориты мужчина не каждый год в подарок получает», – мысленно рассуждала Люсенька. А тут еще у нее появился шанс показать своему благоверному, что она любит его искренне, а не за деньги, несмотря на большую между ними разницу в возрасте. То, что о таком шикарном подарке можно будет потом рассказать на зависть всем своим друзьям-недрузьям в своем блоге, Люсенькина совесть скромно умалчивала, готовя почву для триумфа.

– Ну хорошо, – вздохнув, согласилась на предложение Светланы Люсенька Сакурова. – И когда я смогу получить метеорит? – От волнения она и не заметила, как стала выражаться нормальным человеческим языком, без сленговых молодежных словечек и всяких там междометий. – Мне бы до воскресенья, – с надеждой посмотрела она на Светлану.

Та вздохнула, потом отвела от Люсеньки взгляд и снова вздохнула, словно бы решение давалось ей нелегко.

– Понимаете, Людмила, дядя сейчас на симпозиуме в Германии и вернется только в пятницу. Впрочем, – Светлана вдруг оживилась, – прибудет ведь он утром. И потому вполне сможет вынести в течение дня вам ваш метеорит. Так что давайте договоримся, что деньги вы приготовите к вечеру пятницы, а мы с вами созвонимся и определимся, где встретимся для обмена.

– Классно! – обрадовалась Люсенька, но потом сделала серьезное, как подобает взрослой и деловой леди, лицо и добавила: – Хорошо, договорились. Буду ждать вашего звонка.

* * *

Деньги Люсенька сняла со счета без проблем. Олежка даже ни о чем не догадался. И метеорит она получила в пятницу вечером – упакованным в красивую коробку и со специальной биркой, где были записаны все данные по составу и структуре камня. Академик Бохвалов, который пришел на встречу вместе со своей племянницей Светланой, самолично вручил Люсеньке метеорит и пояснил:

– Я специально снял с образца бумажку, чтобы не было досужих разговоров. Ведь ваш муж наверняка захочет похвастать таким шедевром перед друзьями. А бирочка – это вместо, так сказать, сертификата подлинности камня. Ну, вы меня, Людмила, понимаете.

Люсенька в знак согласия кивнула, хотя и не поняла – ни что означает слово «досужих», ни зачем, собственно, нужна бирка. Но она не хотела показаться в глазах ученого человека безграмотной дурочкой – потому и кивнула.

Гром грянул в воскресенье, в самый разгар празднования юбилея мужа Люсеньки. Правда, сама Люсенька узнала о грянувшем громе чуть позже, но это все ничего не значащие мелочи. Главное, что гром грянул – и это был такой гром, такой гром!

Желая произвести впечатление и на дорогих, во всех смыслах, гостей, и на самого мужа, Люсенька торжественно вручила мужу свой подарок во время застольной поздравительной речи и, как это и полагается примерной супруге олигарха, во время публичного признания ему в любви и верности.

– А ну-ка, ну-ка, дайте посмотреть на это невиданное чудо! – протянул руку за коробкой с метеоритом Яков Тарасович Сакуров, тесть Люсеньки, который, к слову сказать, был еще и (во времена своей советской юности) геологом, а значит, понимал толк и в земных камнях, и в небесных.

Внимательно осмотрев камень, он приподнял бровь, искоса глянул сначала на лучащегося от счастья сына, потом на довольную собой невестку. Немного отодвинув от себя метеорит, старший Сакуров снова повертел коробочку и так и эдак, а потом, не говоря ни слова, вернул подарок Сакурову-младшему. Тот же передал коробочку гостям, которые стали охать и ахать, нахваливая и сам подарок, и именинника, и его зардевшуюся, как маков цвет, молоденькую жену.

Примерно через час, когда гости уже захмелели, Сакуров-старший отозвал сына в другую комнату и высказал ему напрямую свои... Нет, не догадки и подозрения, а доводы в пользу того, что его глупая жена купила вместо метеорита обычный, но мастерски обработанный кусок гнейса – метаморфической горной породы. Сынок побледнел, но взял себя в руки и вышел к гостям как ни в чем не бывало. И только когда все разошлись, он взял Люсеньку под локоток и с искаженным от гнева лицом толкнул ее на диван.

– А ну-ка, сядь сюда, курица, и отвечай на мои вопросы! – рявкнул он обалдевшей от такой резкой перемены настроения супруге Люсеньке. – Сколько ты отдала за этот кусок... – Олежек начал захлебываться словами, но потом глубоко вдохнул и уже чуть сдержанней, но все еще громко спросил: – Сколько денег ты отдала за этот булыжник?! – И еще недавно любящий супруг сунул молодой и очень симпатичной жене под нос ее подарок.

– А че не так-то? – удивилась молодая и симпатичная жена. – Твой батя ниче не сказал, знач все нормально.

– Он не сказал, – прошипел в ответ Олег Яковлевич, – чтобы ни меня, ни тебя перед гостями не позорить. Зато потом наедине он мне много чего сказал! – снова перешел на крик Сакуров-младший. – Так что давай, детка, говори, как все было и сколько ты сняла с нашего счета. Или эта дешевка уложилась в твой личный капитал?

– Нет, – испуганно пролепетала Люсенька. До нее наконец-то начал доходить весь трагизм ее положения и шаткость их с Олежеком супружества.

– Что – нет? – не понял супруг.

– Я снимала с общего... – Люсенька испуганно замолчала и затравленно посмотрела куда-то в угол комнаты.

– И?.. – Сакуров и не думал отставать от жены, пока не вытянет из нее все подробности.

– Один, – еле слышно прошептала Люсенька.

– Один миллион?! – Олег Яковлевич не верил ушам своим. Он застонал, опустился в кресло напротив Люсеньки и закрыл лицо ладонями. – Боже, на ком я женился?! – спросил он и глухо, с истеричными нотками в голосе рассмеялся.

Люсенька встала перед ним на колени и, старательно заглядывая супругу в глаза, пролепетала:

– Олежек, я же хотела как лучше... Хотела тебя порадовать. Мне сам академик Бохвалов из этого, как его там, РАНы вынес. Сказал, что из коллекции астрономического института...

– Лучше молчи, – прервал жену Сакуров. – Рассказывать всю историю своего падения будешь в уголовном розыске, а мне не нужно...

Не успел он договорить, как Люсенька, обхватив его колени руками, запричитала:

– Олежек, миленький, не сажай меня в тюрьму, я не виновата! Я все, что хочешь, для тебя сделаю, только не сдавай меня ментам!

Сакуров, несмотря на всю нелепость такого заявления и на потерю одного миллиона рублей, не выдержал и расхохотался. Да так громко, что Люсенька шарахнулась от него и, забившись в самый угол дивана, стала смотреть на мужа испуганными глазами, думая, что он свихнулся.

Отсмеявшись, Сакуров строго посмотрел на свою молоденькую и симпатичную, хотя и весьма глупую, супругу и сказал:

– Собирай вещи и шуруй жить обратно к маме в деревню Мухоморовку, или как ее там...

– Мухородовка, – чуть слышно пролепетала Люсенька.

– Вот-вот, в нее самую, – подтвердил Сакуров. – И пока деньги не найдутся, чтобы домой не возвращалась. Разводиться я с тобой пока не собираюсь, но... – Олег Тарасович сдержал улыбку и, чтобы скрыть ее от жены, нахмурился еще сильнее. – А в полицию завтра же пойдешь, чтобы заявление написать, что стала жертвой мошенников. Поняла, курица?

Потом он развернулся и ушел в спальню, а Люсенька еще долго плакала, вытирала побывавшую тушь с ресниц и думала о своей горькой и несчастной супружеской жизни.

Но наутро Люсенька Сакурова все-таки набралась храбрости и отправилась в районный отдел полиции писать заявление, упросив свою подружку Тонечку Филатову пойти с ней и свидетельствовать в ее пользу. Чтобы, не дай господь, менты не подумали, что эти деньги Люсенька себе присвоила, и не посадили ее тотчас же вместе с другими ворами и мошенниками в камеру.

5

Управляющий строительной компанией «Макс-строй-Мир» Веселуха Артем Васильевич стоял и смотрел, как его рабочие заканчивают заливать последние метры фундамента будущего гипермаркета. Рядом с ним стоял и будущий владелец данного суперогромного магазина, а вернее, торгово-развлекательного центра «Славяна» – Анатолий Семенович Большов. Оба – и управляющий, и владелец – были возбуждены и громко обсуждали одно очень важное дело – освящение фундамента будущего храма торговли.

– Не знаю, не знаю, Анатолий Семенович, – с сомнением в голосе говорил Веселуха. – Я бы с сим действием не торопился. Нужно бы нам сначала до ума все строительство довести, а уж потом и освятить можно.

– Да что ты, Артем Васильевич! Разве мы торопимся?! – возразил ему будущий владелец «Славяны». – Ты же понимаешь, что по срокам центр будет готов только к зиме, и то если лето будет не дождливое. Ты ведь сам строитель и знаешь, что осадка фундамента – дело долгое и займет не один день. Место-то какое... По идее, здесь и строить-то ничего нельзя. Тут ученые хотели какие-то раскопки проводить. Многим отказали, да и я еле уговорил, вернее, подмаслил нужных людей, чтобы выбить этот участок под строительство! Так что чтобы успешно двигаться дальше, нужно обязательно освятить фундамент. А уж потом, когда строительство закончим, еще раз освятим. Уж на что, а на это у меня денег хватит!

– Ну, дело твое, – с сомнением произнес Веселуха и почесал подбородок. – Мой брат – отец Викентий, конечно же, придет, когда нужно, и проведет ритуал, как и положено, по канону. Но я все равно бы не торопился. Вдруг все-таки фундамент не приживется на такой нетвердой почве и стройку придется переносить в другое место? Зачем тогда его и освящать?

– Так на то я тебя и нанял, Артем Васильевич, что доверяю тебе, как себе самому, – рассмеялся Большов. – А брату твоему я еще и на храм пожертвую. Солидную сумму! Чтоб уж точно наш, а вернее, мой, – Анатолий Семенович гордо приподнял подбородок, – центр с Божьего благословения простоял не один год. Есть такая примета, Артем Васильевич – как фундамент поставишь, так и дом стоять будет, – хохотнул своей шутке будущий владелец гипермаркета.

Веселуха только головой покачал.

– Ладно, – сказал он. – Я с братом поговорю, а потом скажу тебе день и час, когда он сможет провести ритуал. У него ведь все на месяц вперед расписано. Ну а ты как думал! Прямо нарасхват нынче услуги-то. А меня дня четыре в городе не будет. Я в Питер уеду. Там у меня еще один объект возводится, так что и его проконтролировать надо. Телефон своего брата я тебе сегодня вечером скину. Мало ли, вдруг понадобится.

– Вот и ладненько, вот и договорились, – потер руки Большов. – Только уж побыстрее бы. А то ведь дальше надо двигаться.

– Двигаться будем, когда цемент по нормативу затвердеет, – усмехнулся Артем Васильевич и, не прощаясь с заказчиком, отправился к рабочим переговорить по одному ему ведомым строительным делам.

Большов же отправился в банк, чтобы снять наличные, предназначенные для оплаты услуг священника и для пожертвования на строительство новой часовни. «Выведу со счета сразу пятьсот тысяч зеленых, – думал Большов. – Таких денег не то что на часовенку, а на половину храма хватит. Пусть поп порадует. Только бы вымолил у Бога, чтоб центр мой, пока я жив буду, простоял. А после нас, как сказал один крутой и знаменитый римский патриций, или кто он там был – хоть потоп».

Через два дня в офис к Большову прибыл священник. Как доложила боссу секретарь Мариночка, отец Селиваний прибыл от отца Викентия для освящения строительства.

– Как, уже?! – засуетился Большов. – Эх, Артем Васильевич, Артем Васильевич! – всплеснул Анатолий Семенович руками. – Даже не позвонил и не предупредил меня. У меня и рабочий народ весь разбрелся – кто на другой объект, а кто на выходные... Что ж, давай-ка, Мариша, пригласи его в кабинет и чайку нам организуй.

Мариночка упорхнула, а в кабинет Анатолия Семеновича вошел священник. Правда, солидности в нем не было почти никакой, очень уж он стройно выглядел для степенного батюшки, но и осанистая борода с проседью, и поповское облачение, и крест на нем были очень даже внушительные, а значит, по мнению Большова, и правильные – православные.

– Бог в помощь, – поздоровался отец Селиваний с хозяином кабинета.

– И вам, святой отец, тоже всех благ, – с достоинством королевской особы ответил на приветствие Анатолий Семенович.

– Да какой же я святой? – ласково глядя на Большова, промолвил отец Селиваний. – Я, как и все православные, только слуга Господа нашего, и не достоин по греховности своей при жизни называться святым. А послал меня к вам наш настоятель, отец Викентий. Сам он прихворнул и просил меня заменить его и освятить ваш... объект, как это принято сейчас называть, – смиренно сказал отец Селиваний.

– Очень хорошо! – ответил, улыбаясь, Большов, но потом сделал серьезное лицо и спросил: – Надеюсь, что болезнь отца Викентия не столь серьезна и он скоро выздоровеет?

– На все воля Божья. Мы молимся за нашего брата во Христе и желаем ему в молитвах скорейшего выздоровления, – ответил священник. – Но когда можно приступить к таинству? – поинтересовался он и, несмотря на приглашающий жест Большова и появление Мариночки с чаем, не стал садиться на стул. – У меня сегодня еще два вызова. Один – на отпевание, а второй – на благословение. Поэтому вы уж меня простите нижайше, но чаевничать не стану. Дел много, – развел руками посетитель. – К тому же в машине моя матушка меня ждет, мается на жаре-то. Служки нынче нарасхват, так я ее с собой прихватил, чтоб помощь при служении оказала. Подпевать будет.

– Ну что ж, тогда поедем прямо сейчас, не откладывая. Только вот народу у меня будет на церемонии – вы, я, прораб и сторож стройки. Все рабочие кто где... Не предупредил никто, – посетовал Анатолий Семенович. – Ну, да что уж теперь говорить-то! Поедемте так. Вот только сумочку свою возьму, – Большов отчего-то подмигнул отцу Селиванию и подошел к большому сейфу, стоящему в глубине кабинета.

После проведенного священником действия освящения фундамента стройки Большов подошел к нему и протянул небольшой пластиковый пакет.

– Передайте отцу Викентию с моей благодарностью. Тут и гонорар за услугу, и пожертвования на строительство новой часовенки. Он знает. Мы с ним уже говорили на эту тему – позавчера вечером. От нашего, так сказать, храма, – улыбнулся владелец будущего торгово-развлекательного центра, – вашему. Так что вот... Я думаю, что ваш настоятель и вас не обидит, – наклонил голову Анатолий Семенович. – Будьте здоровы и передайте мои пожелания скорейшего выздоровления отцу Викентию.

– И вас храни Господь за вашу щедрость, – поклонился в ответ отец Селиваний и перекрестился.

Глядя на него, как мог, перекрестился и Большов.

Потом отец Селиваний со своей матушкой – небольшого роста худенькой женщиной в очках в черепаховой оправе и в белом платочке на голове – сели в старенькую «Ниву», на которой они прибыли к Большову, и отбыли.

* * *

Через два дня, так и не дождавшись звонка с благодарностями от отца Викентия, Большов решил позвонить ему сам.

– Здоровы ли вы, отец Викентий? – с осторожностью в голосе осведомился Анатолий Семенович о здоровье батюшки.

– Здоров, здоров, – пробасил в ответ брат управляющего строительной компании Веселухи. – Что-то вы потерялись, благодетель вы наш. Не звоните, не являетесь самолично... Жду-жду от вас приглашения на освящение, а от вас – молчание. Вроде как договаривались в ближайшее же время, а уж четыре дня минуло...

– Как же... – Большов просто-таки опешил от таких слов отца Викентия. – Как же, простите... Вы ведь приболели, по моим сведениям...

– Да нет, здоров, слава богу! – заверил священнослужитель Большова. – Не знаю, кто уж вам такую весть принес. Так что же? Когда мне подъезжать? У меня сегодня в три часа есть свободное время.

– Как – в три часа? – правый глаз Анатолия Семеновича дернулся в тике. – Вы деньги от меня получили? – Большов решил задать вопрос прямо и без обиняков. – Вы ведь вместо себя отца Селивания послали. Он все таинство, или как там это у вас действие называется, провел. Я ему деньги за услуги хорошие дал и еще пожертвовал на строительство часовенки. Немало пожертвовал. Хватит ли?

– Ничего не понимаю, – испуганно ответил отец Викентий. – Какие деньги? Какой отец Селиваний? Я никого не посылал. Я от вас лично звонка ждал, как и договаривались. Что значит – дали деньги за услуги?

Вопросы отца Викентия так и лились горячей лавой в ухо Большова, и чем больше было этих вопросов, тем сильнее разливался жар по его телу, пока Анатолий Семенович не начал гореть, как в адском пламени. Он уже понял, что его сейчас хватит удар, если он не прекратит поток этих вопросов и не ответит.

– Как так ка-какие деньги?! – не выдержав, заорал он, заикаясь, в трубку. – Я кучу бабла отвалил твоему засланному казачку, а ты спрашиваешь, какие деньги?!

– Не орите так громко, – после долгого молчания ответил ему батюшка. – Смирение, сын мой, еще никому не повредило. Здоровее будет не только душа, но и тело. Я повторюсь – я никого не посылал. Да и не знаком мне никакой отец Селиваний. Нет у меня такого священника! По всей видимости, вас, Анатолий Семенович, ввел в заблуждение приспешник сатаны и, обманув вас, прихватил ваши... – Отец Викентий сделал паузу и уточнил: – Наши с вами деньги. Надо бы в полицию заявить, – посоветовал он на прощание и, более не говоря ни слова, отключил связь.

У Большова потемнело в глазах, и он едва не упал. «Так и до инфаркта недалеко, – подумал он, нащупал у себя за спиной кресло и сел в него. – Нужно успокоиться, а потом... А что потом? Потом придется звонить Орлову и спрашивать у него, кто из их ведомства быстро и оперативно сможет разыскать этого попа с моими деньгами...»

– О боже! За что мне все это? – спросил в пространство Анатолий Семенович.

Впрочем, ответ на этот вопрос он знал. Вот только не нравился ему этот честный ответ. А потому он решил больше не взывать ко Всевышнему понапрасну и, промаявшись еще одну ночь без сна, достал из своего письменного стола записную книжку, чтобы найти в ней номер телефона Петра Николаевича Орлова – генерала Главного управления уголовного розыска России.

6

Подполковник Гуров, находившийся у себя в кабинете на Житной, изнывал от июньской жары и чувствовал себя не лучше мухи, застрявшей в липкой летней паутине. Мысли вяло текли у него в голове, образовываясь в какие-то фразы, но жара не позволяла сосредоточиться на документах, которые уже давно нужно было привести в порядок. Начальство в лице генерала Орлова начинало уже не просто намекать Льву Ивановичу о его служебных обязанностях, а требовать открытым текстом оформить все дела должным образом.

Бумажной работы, в основном бесполезной, у любого оперативника всегда хватает. Нет, конечно же, Лев Иванович понимал, что нужно было хоть как-то оформлять и разные агентурные донесения, и наблюдения, и прочие результаты оперативно-разыскной работы. Но вот выводы... Кому они нужны, его выводы? Все равно следователь будет строить дело не на них, а на фактах, которые он, Гуров, ему раздобудет. Но порядок есть порядок, и хочется тебе эти выводы писать или нет – никто тебя, простого оперативника, не спрашивает, но зато требует, чтобы написаны они были по всей полагающейся им форме. Даже если ты – полковник и «важняк».

Все – и городская духота (от которой не спасал даже настольный вентилятор), и тягучие мысли, и необходимость бумажной работы навевали на полковника скуку и лень. А поэтому Гуров больше сидел и думал о рыбалке, о скором отпуске – о чем угодно, но только не о выводах и агентурных донесениях. Вдруг в кабинет быстрым шагом вошел его напарник и единомышленник Станислав Крячко. Лев Иванович встрепенулся и потянулся, расправляя затекшие от долгого неподвижного сидения плечи, спину и поясницу, и угрюмо ответил на бодрое приветствие друга:

– Как тебе, Станислав Васильевич, удастся в любую погоду оставаться бодрым и активным? Я тут с самого утра сижу и никак не могу сосредоточиться и понять, что же я тут такого понаписал в агентурной записке, согласно устному сообщению своего агента Васьки Шмаровоза, а ты ласточкой летаешь в такую жару, и тебе хоть бы что – свеж как роза в майский день.

Крячко рассмеялся и бодро ответил:

– А оттого я и весел, и бодр, Лев Иванович, что не сижу в душном кабинете, а бегаю, как тот верблюд из анекдота. И чем быстрее бегу, тем бодрее ветерок обвивает – мне и хорошо, прохладно.

– Смотри, не замерзни, – с досадой буркнул Гуров. А досадно ему было из-за того, что Крячко легче него переносил и жару летом, и холод зимой. Такой уж у его был организм, у этого гуровского напарника и друга.

– Не кипятись, Гуров, я тебя сейчас утешать буду, – пообещал другу Крячко и сел за свой стол, предварительно бросив на него папку с какими-то бумагами. – Помнишь ли ты, что у моей Наташи в этом месяце день рождения, или от жары у тебя совсем все мысли и память расплавились?

Гуров в задумчивости почесал затылок:

– Вроде бы как Маша мне что-то такое говорила на днях...

– Ну, хоть Маша у тебя пока еще провалами памяти не страдает, – хохотнул Крячко. – А потому уже в следующее воскресенье мы приглашаем вас, уважаемый Лев Иванович, с супругой естественно, к нам на дачку на шашлычок и коньячок, как это принято сейчас говорить.

– Крячко, пить в такую жару коньяк – это значит приблизить себя к инсульту, – наставительным голосом изрек полковник Гуров. – Хотя дачка – это хорошо. Мы вот с Марией все никак не соберемся...

Лев Иванович не договорил, потому что к ним в кабинет словно цунами ворвался оперуполномоченный Центрального района столицы Иван Береговой по прозвищу Умереть – не

встать. Прозвища у оперов – дело обычное, и давались они чаще всего или по фамилии оперуполномоченного, или по какой-либо особенности внешности или характера одного. Особенностью Берегового была его привычка вставлять в свою и без того заковыристую речь выражение «умереть – не встать».

В глаза, конечно же, Берегового так никто не называл. Не принято называть коллег по прозвищу прямо в лицо. Не бандюганы ведь все-таки, а оперативники. Это только в разных криминальных шайках воры друг друга по кличкам называют, а тут вам не «хаза» и не «малина» какая-нибудь, а серьезное государственное правовое учреждение. Но сам Иван о своем прозвище, конечно же, знал и не обижался, если кто-нибудь обзывал его таким словосочетанием. Потому как честно признавал за собой такую филологическую привычку применять выражение «умереть – не встать» и по поводу, и без повода.

– Приветствую вас, коллеги! – пробасил гулким гласом матерого попа на клиросе Иван Береговой. Дед его по маме когда-то и вправду был служителем церкви и даже пел в церковном хоре. Густой бас и солидную поповскую фигуру Береговой получил в наследство именно от него – от деда. – Умереть – не встать, сколько дней и смен я у вас тут не бывал!

– Так кто ж тебе не дает, Иван Станиславович, – поздоровался за руку с Береговым Крячко. – Заскакивал бы почаще.

– Мы гостям завсегда рады, – поддержал приятеля Гуров, тоже протягивая руку коллеге.

– Так ведь дела не дают! Дела, чтоб их... – посетовал капитан Береговой. – Вот если бы не они, родные, так я, пожалуй, и сейчас бы до вас не добрался.

– Что-то ты сам в своих противоречиях запутался, Иван Станиславович, – с прищуром посмотрел на капитана Гуров. – То дела не дают тебе к нам завернуть на огонек, а то дела и привели...

– Так оно и есть, умереть – не встать! – хлопнул себя по полным ляжкам капитан и, плюхнувшись на стул рядом со столом Гурова, достал платок, которым и вытер обильно бегущий пот у себя со лба. – Я тут совсем запарился с одним дельцем, Лев Иванович. Может, подскажешь чего путного. Я на это дело бы и плюнул сам-то, и в стол его задвинул. Тут и без него всякого криминала хватает – и убийство висит, и пара краж нераскрытых... Ну а тут... Ой, тут такая хохма, – неожиданно рассмеялся Береговой, – что грех вообще таким делом серьезно заниматься. Но! – Становясь серьезным, капитан поднял указательный палец вверх и добавил: – Сами знаете, что начальство, если дело касается больших денег, будет трясти из нас, работяг, душу, пока мы это дело не раскроем. Вот и у меня такой казус, умереть – не встать! Уже месяц топчусь на месте и никак не могу на след напасть. По всем моим агентурным каналам тишина. И путных свидетелей нет ни одного.

– Да ты не тyani, Иван Станиславович, пса за хвост. – Крячко, заинтересовавшись, взял стул и тоже подсел к гуровскому столу. – Давай, рассказывай свою неразрешенную хохму.

– Ага, – Береговой поерзал на стуле, устраиваясь поудобней, и вымолвил: – В общем, умереть – не встать, пришли ко мне примерно месяц назад две девицы, молоденькие. Потом, когда я их показания записывал, выяснилось, что потерпевшей вообще двадцать три года. А ее подружка так младше еще на год. Но дело не в их молодости, умереть – не встать, – покачал головой Береговой. – Они, оказывается, пришли писать заявление о том, что стали жертвами мошенничества. Вернее, стала только одна из них. Она замужем за неким дельцом Сакуровым Олегом Яковлевичем. Мужу сорок пять лет, значит, а его жене, умереть – не встать, двадцать три!

– Ну, такими браками сегодня никого не удивишь, – протянул Крячко. – Вот у одного моего...

– Станислав, давай свою историю ты потом расскажешь, – прервал приятеля Гуров. – Видишь, человек по делу пришел.

– Ладно, ладно, молчу, – сказал Крячко и обратился к Береговому: – Прости, Иван Станиславович, что перебил. Рассказывай дальше.

– Ага, так я и говорю, умереть – не встать, – кивнул капитан. – Потерпевшая, гражданка Сакурова Людмила, рассказала мне такую историю. Она с подружкой Антониной Филатовой сидела в ресторане при фитнес-клубе и активно обсуждала, что бы такое необычное подарить своему супругу Олегу на его сорокапятилетие. Денег у дамочки куры не клюют, а ума ни на грош. Муж, по своей глупости, даже совместный с ней счет открыл в банке. Ну, чтобы она в случае чего могла туда свою наманикюренную лапку запустить и на модные шмотки, колечки, брошки оттуда тянуть. Но понемногу. Такая у них была договоренность между собой. Ну, умереть – не встать! – осуждающе покачал головой капитан и продолжил: – Девушка же – в столицу она прибыла из какой-то деревни, не буду врать какой, не помню, помню только, что из Саратовской области – с большими деньгами дел никогда не имела, но сами деньги иметь всегда хотела. Где уж он ее нашел, такую? – снова покачал головой Береговой.

– Обычно их находят либо в дорогих ресторанах, где они официантками пристраиваются, или в стрип-барах с шестов снимают, – со знанием темы заявил Крячко.

– Не скажи, Станислав, – возразил Гуров. – Она могла быть и простой студенткой...

– Ага, простой, – хмыкнул Береговой. – Ты, Лев Иванович, где живешь, умереть – не встать? Правильно – в Москве. Где ты в Москве видел простую студентку, которая из какой-то, умереть – не встать, занюханной деревеньки к нам приехала? Вот то-то! Так что Станислав Васильевич прав. Я у потерпевшей спрашивал, где она, мол, со своим супругом познакомилась? Говорит, что в ресторане его обслуживала...

– Да и ладно, бог с ним, со знакомством, – махнул рукой Гуров. – Рассказывай свою беду дальше.

Помолчав и чему-то загадочно улыбнувшись, капитан Береговой продолжил рассказывать:

– Не знаю, уж как так громко эти подружки свою проблему обсуждали, но, по их словам, подошла к ним официантка, которая их обслуживала, и говорит: могу, мол, помочь вам с необычным подарком. Есть у меня дядя в Институте астрономии при Академии наук, он академик какой-то там геологии, и у них метеоритов в коллекции института – хоть лопатой гребь. Чем вам не шикарный подарок для мужа, у которого все уже и так есть? Ну, умереть – не встать! – покрутил в недоумении головой оперуполномоченный.

– И дай-ка я угадаю, – усмехнулся Крячко. – Эти две девахи клюнули и заглотили наживку! – Он обратился к Гурову: – Видал, Лев Иванович, какие подарки нужно любимым дарить! Звезд с неба не жалко!

– Правда, что ли? – недоверчиво хмурясь, спросил Гуров у Берегового. – Что, реально можно метеорит купить? Ерунда какая-то. Зачем этот небесный булыжник кому-то нужен?

– Да, оказывается, что нужен, умереть – не встать! – сказал Береговой. – Я тут выяснял и все такое... В этой области целое сообщество коллекционеров в разных странах образовалось. Люди реально просто балдеют от таких камней и платят за них порой очень даже большие деньги! Ну, умереть – не встать! Так знаете, сколько эта дамочка, а вернее, потерпевшая, отстегнула за сей предмет? Кстати, я это вещественное доказательство с собой прихватил. Еле у следователя выпросил. Тяжелый, каменюка! Сейчас покажу...

Опер полез в сумку и вынул из нее коробку, которая, судя по тому, как он ее держал в руке, была тяжеловата. Брякнув коробку на стол, он открыл ее, и глазам Гурова и Крячко предстал камень.

– Интересная у него форма, – Гуров взял камень и, не вынимая его из коробки, повертел, рассматривая со всех сторон. – Ты, кстати, так и не сказал, Иван Станиславович, сколько стоит это удовольствие.

– Умереть – не встать, вы не поверите! – Береговой хлопнул ладонями по коленям. – Миллион рублей!

– Сколько?! – хором воскликнули Крячко и Гуров. Лев Иванович от удивления даже чуть коробку из рук не выронил.

– Ничего себе – подарок любимому мужу на юбилей! – восхитился Станислав Васильевич. – Чего с ним делать-то? В шкафчик положить? – почесал он недоуменно в затылке.

– Лично мне такой подарок и даром не нужен, – кивнул, соглашаясь с напарником, Гуров. – Для грузила тяжеловат будет. Никакой пользы от такого подарка. – И он спросил у капитана: – Я так понимаю, что это ненастоящий метеорит. Иначе из-за чего бы тогда весь сыр-бор?

– Правильно понимаешь, Лев Иванович. Умереть – не встать! Как есть ненастоящий! – подтвердил Береговой.

А потом рассказал Гурову и Крячко все подробности истории с метеоритом, которые он узнал от потерпевшей Людмилы Сакуровой и слова которой, по крайней мере, разговор с официанткой, подтвердила ее подруга – Антонина Филатова.

– И вот я целый месяц бегаю и пытаюсь выяснить, что это за официантка и какова ее связь с профессором, тьфу, с академиком, как его там... – опер Береговой поднял глаза к потолку, вспоминая, но потом махнул рукой и полез за блокнотом. – Умереть – не встать, память стала совсем никудышная, – посетовал он. – Вот, нашел! Академик Афанасий Меркурьевич Бохвалов! Ну и имечко, умереть – не встать! А ведь, что интересно, такой академик в институте астрономии действительно есть! Только вот никаких племянниц по имени Светлана у него нет, и никаких метеоритов из институтской лабораторной коллекции он не выносил и никому не продавал. И вообще, умереть – не встать, он так возмущался таким к нему подозрением и вызовом ко мне в кабинет, что его крики до начальства долетели. В общем...

– В общем, для тебя, Иван Станиславович, теперь раскрыть это дело – значит восстановить доброе имя нашей науки, – закончил за него Гуров. – Правильно я понимаю?

– А то, умереть – не встать! – с благодарностью подтвердил Береговой. – Но ведь что самое смешное во всей этой истории! – раскатистым басом расхохотался капитан, вытирая со лба обильный пот.

– А что, есть еще что-то более веселое, чем продажа булыжника за миллион рублей? – Крячко, предвкушая новую хохму, даже встал со стула и, присев на краешек гуровского стола, наклонился к Береговому поближе. – Ну-ка, ну-ка, потешь нас, Иван Станиславович. Давненько у нас ничего такого интересного не случалось.

– Станислав, слезь с моего стола, – рассмеялся Гуров. – Он тебя не выдержит, а мне на нем еще документацию не один год заполнять. Вот отниму у тебя твой стол...

– Я понял свою ошибку, Лев Иванович, – Крячко слез со стола и сел на стул. – Не томи душу, рассказывай, – обратился он к Береговому.

Тот снова полез в свою сумку и вынул из нее сложенный вчетверо листок бумаги, торжественно его развернул и положил на стол.

– Вот! Умереть – не встать! – объявил он и довольно посмотрел на Крячко и Гурова.

Оба в недоумении уставились на рисунок, а потом Гуров непонимающе спросил:

– И что? Антон Павлович выполнен не профессионалом, но узнаваем вполне.

– Угу, – подтвердил слова Гурова и Крячко, внимательно рассмотревший рисунок, и снова посмотрел на капитана Берегового.

– Да, умереть – не встать! Этот рисунок сделан моим напарником по рассказу потерпевшей, которая таким вот образом, – опер постучал толстым и коротким пальцем по рисунку, – описала академика Бохвалова!

– А настоящий академик совсем не похож на Антона Павловича Чехова. Я правильно понимаю? – спросил Гуров.

– Точно! Умереть – не встать! – подтвердил Береговой. – Она, эта горе-потерпевшая, его и не опознала даже, когда он мимо нее в мой кабинет проходил для беседы. – Так вот, я тут с ног уже сбился искать и официантку Светочку, и ее дядюшку, а начальство давит и стыдит. Помогайте, братцы, без вас я не справлюсь.

– Поможем коллеге? – спросил Гуров у Крячко.

– Да уж, конечно, надо помочь, – кивнул Станислав Васильевич. – Ведь такой интересный случай! Как не помочь!

– Ну, умереть – не встать! Вот спасибо! – обрадовался Береговой. – Век буду помнить. А то зашиваюсь. Все другие дела забросил, а их столько навалилось, что не продохнуть! А это дело у меня вот где! – он ткнул себя двумя пальцами в горло, показывая, как его это дело уже достало. – Умереть – не встать! Так я вам тут все данные в папочке оставлю, почитаете. Если что, звоните, я всегда на связи.

7

– Хороший он человек, этот наш Умереть – не встать! – посмеиваясь после ухода Берегового, сказал Гуров. – Вот мы с тобой, Станислав, сколько лет его уже знаем? Лет семнадцать-восемнадцать? И всегда Иван Станиславович за каждое свое дело как в первый раз берется! Всегда с энтузиазмом молодого и необстрелянного опера работает. Это сколько же в нем энергии и веры в свое дело! Веры в то, что пользу он всем людям приносит, что нужна его работа другим-то! Уважаю я таких людей, а значит, и помогать готов, когда во мне у них нужда есть.

– Согласен с тобой по всем статьям, Лев Иванович, – согласился Крячко с другом. – Хорошему человеку всегда помочь с удовольствием хочется. Так что стряхни с себя всю негу и посмотри все, что он там принес, а я за кофейком сгоняю.

– Какой кофеек в такую-то жару! – простонал Гуров. – Нет уж, уволь меня от такого садизма над организмом, Станислав Васильевич. Купи мне лучше минералочки холодной.

– Ну, минералочки так минералочки, – добродушно отозвался Крячко. – А я так кофейку попою. Чтобы бодрость в такую жару не утратить! – сказал он и вышел из кабинета.

Гуров отодвинул подальше свою ненавистную бумажную работу и с удовольствием принялся изучать принесенные Береговым документы. Читал и, качая головой, смеялся в особо смешных местах, дивясь человеческой глупости и наивности.

Крячко вернулся в кабинет буквально через десять минут. Без кофе, но с минералкой.

– Пей свою водичку, – сказал он, ставя перед Львом Ивановичем запотевшую бутылку. – И бросай береговские бумаги, нас с тобой наш любимый начальник к себе вызывает.

– А где ты его нашел? – удивился Гуров. – Мне он не звонил...

– Так у тебя опять, наверное, телефон разряжен, – фыркнул Крячко. – Из-за этого твоя Маша мне звонит даже чаще, чем тебе, и про твои дела спрашивает. А на мой вопрос, почему тебе...

– Все понял, – прервал товарища Лев Иванович. – Можешь дальше не причитать. Что у тебя за привычка из всякой мелочи трагедию устраивать? Ну, позвонила тебе Маша пару раз...

– Ладно, Лев Иванович, не ворчи, как дед старый, – сказал Крячко. – Пошли-ка к Петру Николаевичу. Мне Верочка позвонила и обрадовала. Сказала, чтоб в течение пятнадцати минут были у начальства...

* * *

Генерал Петр Николаевич Орлов принял их сдержанно и даже по-деловому, что давно с ним не случалось.

– Садитесь, Лев Иванович и Станислав Васильевич, не стойте на пороге – примета плохая.

– Давно ли ты в приметы начал верить, Петр Николаевич? – попробовал пошутить Крячко.

– С сегодняшнего дня, – буркнул Орлов. – Вот как только встал сегодня утром не с той ноги, так и начал. Когда тебе настроение еще с вечера портят дурацкими звонками, так и в черта лысого верить начнешь.

Гуров и Крячко переглянулись. Такая манера генерала – говорить с ними подобными эпитетами и интонациями – была для них непривычна и удивительна. Орлов был для них не просто начальником, но другом и товарищем, с которым они прошли и огонь, и воду, и медные трубы.

– Что случилось-то, Петр Николаевич? – нахмурился Гуров. – Говори уж прямо, в чем мы провинились, и дело с концом. Если ты про бумаги, так я над ними работаю, в порядок привожу...

– Да вы тут ни при чем вовсе, – с досадой махнул рукой генерал. – Тут дело в другом. Позвонил мне еще вчера вечером сын моего старого друга и товарища еще по школьным годам и рассказал очень некрасивую историю. Он, этот самый сын, – предприниматель, и, значит, затеял строительство большого магазина. Ну, или как там они сейчас называются – торгово-развлекательного центра. Фундамент, по его словам, уже заложили, и он захотел его освятить. Ну, сами знаете, все эти штуки церковные сейчас в моде. Все подряд освящают...

Орлов немного помолчал и поскреб в задумчивости чисто выбритый подбородок.

– Ну да ладно, это личное дело каждого. Так вот, у Анатолия, сына моего друга-сотоварища, есть хороший знакомый, он же управляющий стройкой этого центра. Его родной брат служит настоятелем в храме. Уж точно не скажу, в каком именно храме, это вы потом сами выясняйте. Так вот, договорились Анатолий и этот служитель Божий, что батюшка приедет и освятит фундамент будущего мегамаркета. Вроде бы как чин-чинарем договорились, только вот точный срок мероприятия не обговорили. А через пару дней после договоренности прибыл к Анатолию некий священник и заявил, что отец настоятель самолично прибыть не смогут, мол, приболели, а посему весь процесс освящения возьмет на себя он – помощник отца настоятеля. Толик человек неглупый, но наивный. Это я вам слова его отца привожу, чтобы вы знали, – пояснил генерал. – Я-то сам Анатолия мало знаю, поэтому судить о его характере не буду. Правда, слышал от других, что он мужик жуликоватый и ушлый, не в пример своему родителю. Ну, да это опять же с чужих слов.

– Петр Николаевич, – прервал рассуждения начальника нетерпеливый Крячко. – Я так понял, что поп этот, то есть священник, липовым оказался. И теперь денежки этого Анатолия тю-тю.

– Правильно понял, – подтвердил Орлов. – Я бы на такое дело и внимание ваше не стал бы обращать. Вы у меня в отделе не одни умные опера. Только вот кроме денег, что положены были священнику за его услуги, Анатолий на радостях и от щедрот своей души дополнительно отвалил... – генерал откашлялся. – Прошу прощения, неправильно выразился – пожертвовал на строительство очередной часовни в Москве или еще где-то там, не знаю, уж где у них нужда есть ее ставить. И деньги дал немалые – полмиллиона долларов. Так-то!

– Сколько?! – не поверили своим ушам Гуров и Крячко, потом переглянулись между собой, и Гуров сказал:

– Да уж, полмиллиона зеленых – это побольше нашего-то рублевого миллиона будет.

– Да-а-а... – протянул, соглашаясь с ним, Крячко.

– Вы к чему это сравнение тут привели? – подозрительно посмотрел на них начальник. – Знаю я вас! Просто так вы такие вещи вслух в моем кабинете не стали бы говорить, – погрозил он подчиненным пальцем. – Ну-ка, давайте выкладывайте все начистоту.

Гуров рассказал Орлову занимательную историю с метеоритом и о просьбе оперуполномоченного из Центрального района помочь ему с расследованием. Только вот Орлов ничего занимательного в этой истории не нашел. Нахмурившись и заложив руки за спину, он молча прошелся по кабинету, словно что-то обдумывая, а потом, повернувшись к Крячко и Гурову, сказал:

– Ну что, бравы ребяташки, значит, поступим так. Придется вам эти два дела о мошенничестве расследовать со всей серьезностью и скоростью, на какую вы только способны. Почему-то сдается мне, что таких дел вы можете еще не одно набрать к себе в производство.

– Почему это вы так думаете? – удивился Крячко, испугавшись, что Орлов может оказаться прав.

– А потому, что мой нюх сыщика мне это подсказывает, – безапелляционно заявил генерал. – И в той, и в другой истории работала пара жуликов – мужчина и женщина.

– Как пара? – усомнился Гуров. – Священник вроде один был!

– Это я вам просто еще не все подробности сообщил, – хмыкнул Орлов. – Со священником еще его матушка приехала. Она ему там и подпевала, и за рулем машины, в которой они приехали, сидела...

– Фьюить! – присвистнул Крячко.

– Не свисти в кабинете. Денег не будет, – хмуро одернул Станислава начальник.

– У кого-то их уже нет, – усмехнулся Гуров. – Досвистелись. Давайте сюда ваши подробности, Петр Николаевич. Будем думать, что с ними делать.

8

Всю дорогу до кабинета Крячко молчал и только таинственно ухмылялся. Гуров же, наблюдая за ним исподтишка и видя, что напарник пребывает в задумчивости, не мешал ему, но когда они вошли в кабинет, не выдержал и спросил:

– Ну и что ты по поводу всего этого думаешь, Станислав? Какие-то мысли и соображения по поводу направления и действий расследования имеются?

– Ты по поводу аферы с освящением? – покосился на Гурова Крячко, подходя к его столу и забирая с него папочку с бумагами, которые принес Береговой. – Я так думаю, Лев Иванович, что нужно нам с тобой разделить. Я, чур, беру на себя миссию расследовать дело с метеоритом. Оно повеселее будет, чем с церковниками возиться.

– Да мне без разницы, – махнул Гуров рукой, – бери что хочешь. – Он подошел к небольшой карте города, которая висела на стене в их общем кабинете, и, глядя на нее, проговорил: – Я не к тому спросил. Понятное дело, что обе аферы – разные, а потому и разрабатывать их будем каждую отдельно. Но вот как ты думаешь – прав ли был Петр Николаевич, когда намекнул, что эти два дела могут быть как-то связаны между собой?

– Чего не знаю, того не знаю, – в задумчивости почесал в затылке Крячко. – Оснований не доверять интуиции нашего начальства у меня нет. Но я так думаю, что с выводами торопиться пока рановато. Информации не хватает. На основании двух дел такие серьезные выводы не строятся. Нужно будет еще покопаться. К тому же... – Крячко немного помолчал. – К тому же почерк, как мне кажется, у дел разный.

– Согласен, – кивнул Гуров. – Информации у нас пока что маловато. Единственное, что объединяет эти два дела – это то, что мошенники действовали в паре мужчина – женщина. Но так ведь таких пар на всю Москву может быть не один десяток. А посему...

– А посему начну-ка я с того, что изучу подробно все то, что нарыл Береговой. Ты, Лев Иванович, все прочел? – Крячко указал на папку с копиями.

– Не успел еще, – ответил Гуров, отходя от карты Москвы. – Теперь уж ты сам разбирайся, что наш друг Иван Станиславович наскреб за месяц. А я займусь звонками и первым делом вызову к себе потерпевшего-мецената, чтоб его... Ну вот что за люди, право слово! – Гуров с досадой хлопнул ладонью по столу. – Вот есть у тебя деньги, хочешь ты дело доброе сделать... Так ты переведи эти деньги с одного счета на другой и живи себе дальше спокойно. Нет, нужно было свои бабки снять и преподнести в виде наличности! Вот, мол, какой я крутой и какими деньжищами ворочаю! – Гуров махнул рукой. – Мало таких дураков учить. Их сажать пора. Без всякого сострадания и надолго. Иначе никак не поумнеют.

– Ну, это ты круто взял, Лев Иванович, – рассмеялся Крячко. – Эдак мы половину страны пересажаем, а другую половину их стеречь заставим. А кто на благо государства трудиться будет?

Гуров вздохнул и ничего не ответил. Он был погружен в свои мысли. И эти мысли были у него совсем невеселыми. «Оно, конечно же, все так, – рассуждал полковник. – И Крячко прав – всех дураков сажать нет смысла. Но ведь и жить с ними рядом как-то неловко».

Не то чтобы Льву Ивановичу не нравился щедрый жест Анатолия Семеновича Большова – пожертвовать на строительство храма, но у Гурова на этот счет было свое личное мнение. Он считал, что уж коли хочется тебе сделать доброе дело, так построй лучше какую-нибудь больницу за свои кровные, разбей парк в городе или отдай деньги в какой-нибудь центр по изучению рака и борьбы с ним. На худой конец – помоги вылечить ребенка от серьезной болезни. А отдавать вот так просто миллионы на строительство очередного храма... Их уже столько настроили, что ходить туда некому. Народу верующего на один квадратный метр меньше, чем на ту же территорию храмов и часовен понастроено.

Вот в таком угрюмо-задумчивом, можно сказать, настроении и пребывал Лев Иванович, когда набирал номер телефона Большова.

– Анатолий Семенович? Вас беспокоит старший оперуполномоченный по особо важным делам Главного управления уголовного розыска МВД России полковник Гуров. Как вы уже, наверно, поняли, Петр Николаевич Орлов поручил мне заняться расследованием вашего дела. Поэтому мне бы хотелось побеседовать с вами и узнать лично от вас все подробности произошедшего. Когда вы сможете подъехать ко мне для разговора?

Гуров внимательно выслушал то, что ему говорит собеседник, и ответил:

– Я, конечно же, мог бы и сам приехать к вам в офис. Но нужно будет выполнить некоторые формальности. Например, составить фоторобот преступника с ваших слов. А это могут сделать только специалисты из нашего отдела. Поэтому...

Гуров снова замолчал. По его лицу пробежала тень. По всей видимости, ему не очень нравилось то, что он слышал.

– Нет уж, – наконец с едва сдерживаемым раздражением произнес он в трубку. – Если вы хотите, чтобы ваше дело продвигалось быстро и мы нашли ваши деньги, вы должны не позднее завтрашнего утра быть у меня. Если вы что-то не понимаете, советую задать вопросы генералу Орлову, и он вам все доходчиво разъяснит. – Гуров снова немного помолчал и, кивнув, соглашаясь с невидимым собеседником, произнес: – Вот и замечательно, Анатолий Семенович. Значит, договорились. Завтра в девять ноль-ноль у меня в кабинете. Дежурный на входе вас проводит.

Гуров отключил связь и облегченно вздохнул.

– Представляешь, Станислав Васильевич, – сыщик хмыкнул и в недоумении покрутил головой. – Этот Большов только что вызывал меня к себе в кабинет. Не приглашал, а вызывал! Словно это я – потерпевший, а он – следователь. Вот ведь народ!

Крячко, увлеченный изучением документов, не ответил, и Гуров снова подошел к карте Москвы и стал в задумчивости на нее смотреть.

– Чего ты там интересного увидел, Лев Иванович? – поднял голову от бумаг Крячко.

– Да вот смотрю и думаю, – почесал подбородок Гуров. – Твой метеорит втюхали в Центральном округе на Пятницкой в мае месяце. То священнодействие, которое я расследую, произошло в Марьино в июне. Это, конечно же, ни о чем не говорит. У нас по всей Москве наверняка каждый день разные мошенничества случаются... Правда, я давно уже не слышал о таких крупных аферах... Знаешь, а съезжу-ка я в Главное управление внутренних дел Москвы, на Петровку. Туда вся информация по городу стекается. Хочу посмотреть, случались ли похожие на наши два случая аферы за последний год.

– Лев Иванович! – хмыкнул Крячко. – В Москве за последний год столько всяких афер было! Что ты имеешь в виду под словосочетанием «похожие на наши случаи»? Ты где-то видишь похожесть?

– Теперь вижу, – утвердительно кивнул Гуров. – Во-первых, оба жульничества были проведены в короткий срок – один-два дня, и дело сделано. Хотя ты можешь возразить, что в принципе все аферисты быстро стараются все свои дела обстряпать, но тут-то наличка присутствует, а не перевод денег со счета на счет, и суммы сняты очень даже не маленькие.

– Да, как я понял по отчетам Берегового, – Крячко ткнул пальцем в документы, которые изучал. – Эта Людочка-Люсенька не сразу им деньги-то передала за камушек, а только на следующий день.

– Да, жулики с ней два дня валандались, – согласился Гуров. – Сначала договорились, потом дали клиенту время созреть и снять деньги, а сами тем временем подготовили камень, придав ему надлежащий «товарный» вид. Тут как раз все более-менее понятно. Но вот откуда они узнали, что тот же Большов уже снял деньги и собирается отдать их отцу Викентию? Ну да ладно, это мы потом выясним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.